Чжун Цзяньго онемел от растерянности. Наконец, он выдавил:

— Почему?

— Когда твоя комната будет убрана, я буду жить в ней, — Сун Чжаоди бросила косой взгляд на стену.

Чжун Цзяньго проследил за ее взглядом, и на его лице промелькнула тень смущения:

— Да, это моя небрежность.

— Ты не ожидал, что я пойду с тобой. Это нормально, что ты не прибрался заранее, я тебя не виню, — Сун Чжаоди не испытывает никаких чувств к Чжун Цзяньго. Брак с ним — это как просто найти кого-то, с кем можно жить, остальное не имеет значения. — Сначала разложим вещи по местам, а потом искупаем детей и переоденемся?

Чжун Цзяньго кивнул:

— Позже я спущусь вскипятить воду. В северной части дома есть деревянный таз, грязную одежду можно бросить в него, я постираю ее вечером. Во дворе есть напорный колодец, туалет — за домом, умывальник — под карнизом крыльца первого этажа, мыло там же.

— Понятно, — ответила Сун Чжаоди. — Я спрошу тебя еще раз, если что-то не смогу найти.

Чжун Цзяньго согласно хмыкнул и собрался войти в свою спальню, чтобы переодеться. Но как только он подошел к двери, то повернул обратно и пошел в гостевую комнату, чтобы приготовить постель для Сун Чжаоди.

Дава посмотрел на своего отца, а затем на мачеху, которая выглядела совсем другим человеком. Не выдержав, он подбежал к отцу и прошептал:

— Папа, я хочу съесть большую конфету.

— Ты можешь съесть только одну конфету в день, и ты уже ел ее сегодня, — и Чжун Цзяньго обратился к Сун Чжаоди, застилая постель. — Детям нельзя есть слишком много сахара. В будущем, когда меня не будет дома, ты не должна потакать им.

— Не буду. Эти трое — твои сыновья. Как ты скажешь их воспитывать, то так я и буду их учить.

Чжун Цзяньго слегка нахмурился:

— Эти трое тоже твои сыновья. Не относись к себе как к посторонней, с этого момента мы одна семья. Будешь ли ты их наказывать или ругать, я не буду встревать.

— Папа! — Дава вытаращил глаза. — Ты собираешься стать отчимом?

Чжун Цзяньго поднял руку и щелкнул того по лбу:

— Если ты еще раз посмеешь капризничать, даже если твоя мать не тронет тебя, я сам тебя выпорю.

Мальчик тут же поник.

— Эрва, в чем дело? — Сун Чжаоди краем глаза заметила, как второй ребенок потирает свой живот, и поняла, что давно не следила за ним.

Эрва подсознательно взглянул на отца.

Когда Чжун Цзяньго услышал слова Сун Чжаоди, он оглянулся:

— В чем дело?

— Я голоден, — тихо произнес Эрва.

Чжун Цзяньго достал стеганое одеяло, сложил его в ровный прямоугольник и подошел, чтобы поднять второго ребенка:

— Пойдем приготовим что-нибудь.

При этом он посмотрел на Сун Чжаоди, взглядом спрашивая, согласна ли она.

— Я тоже голодна. Давай ты искупаешь их, а я приготовлю поесть.

— Хорошо.

В Биньхае в октябре уже наступила поздняя осень, но на острове Вэнчжоу все еще стояла жара. Сун Чжаоди и Чжун Цзяньго были одеты в длинные брюки и пальто. Они не чувствовали жары, когда проезжали Шэньчэн, но как только они прибыли на остров Вэнчжоу, то сильно вспотели. Чжун Цзяньго почувствовал странный запах, исходивший от тела Сун Чжаоди, а

также неприятный запах от его тела, и пошел на первый этаж, чтобы взять ведро и набрать воды.

Сун Чжаоди положила спящего третьего ребенка на скамейку в гостиной, велела Даве и Эрве присмотреть за ним, а сама, засучив рукава, вымыла руки и лицо.

Отправившись на кухню, Сун Чжаоди оставила большую кастрюлю Чжун Цзяньго, чтобы вскипятить воду, а сама приготовила рис в маленькой кастрюле.

Когда она открыла шкаф, там лежали рис, лапша и яйца, а в масле, соли, соевом соусе и уксусе не было недостатка. Но были только эти продукты. Сун Чжаоди спросила Чжун Цзяньго, который вошел с водой:

— Есть ли какие-нибудь овощи?

— Должны быть, — ответил Чжун Цзяньго. — Посмотри во дворе.

Здание семьи Чжун имеет площадь около двухсот квадратных метров, а двор снаружи занимает семьдесят или восемьдесят квадратных метров. Вся площадь окружена бамбуком, и издалека место напоминает маленькую виллу.

Сун Чжаоди до этого следовала за Чжун Цзяньго и после беглого взгляда не смогла не похвалить себя — она вышла замуж за правильного человека.

Во внутреннем дворе Сун Чжаоди остолбенела: такой большой двор, засаженный только цветами и травой? Не верящая в сверхъестестенное Сун Чжаоди даже разглядела несколько амарантов*.

П. п.: Цветы амаранта символизируют бессмертие, верность и постоянство в любви.

Сун Чжаоди наклонилась, замерла, а затем, вместо того чтобы вытащить амарант, оборвала все листья.

Девушка выпрямилась, огляделась и невольно вздохнула. Затем она взяла бамбуковое сито и пошла мыть овощи рядом с колодцем.

— Разжигать огонь? — спросил Чжун Цзяньго, увидев, что она вошла.

Сун Чжаоди изначально хотела найти немного зеленого лука, но она не смогла найти даже одного перышка. Она думала, спросить ли мужчину, как они поддерживали огонь раньше:

— Да, разожги.

С этими словами он налила две ковша воды в маленькую кастрюльку и взбила три яйца отдельно в трех мисках.

— Что ты делаешь? — Чжун Цзяньго было любопытно.

— У тебя в доме ничего нет, давай съедим немного лапши, а детям дадим три приготовленных на пару яйца.

— Не нужно постоянно называть это моим домом, отныне это и твой дом, — нахмурился Чжун Цзяньго.

— Хорошо.

Лю Лин тоже очень любит цветы и растения. После того, как она стала Сун Чжаоди, она не утратила этого любви к ним, при условии, что она была сытой и в тепле. На самом деле, она хотела купить четыре пакета сухого молока для Санвы. Она колебалась почти десять минут, и в конце концов купила только два пакета, потому что боялась, что у нее закончатся деньги и семье придется потуже затянуть пояса, когда они вернутся на остров.

Девушка не была такой сдержанной, даже когда жила в бедности в своей предыдущей жизни. Даже тогда она говорила самой себе, что чем дальше, тем будет лучше. Однако пока она жила в Шэньчэне на гроши, семья Чжун на острове Вэньчжоу не посадила ни одной луковицы. От одной мысли о том, что в будущем придется покупать лук для еды, у Лю Лин начинала болеть голова.

Чжун Цзяньго вернулся к себе домой, расслабился и уже не был таким осторожным, как в деревне Сяосун. Слушая голос Сун Чжаоди, он не сразу заметил, что она выглядит недовольной:

— Ты устала? Скажи мне, что нужно сделать, я все сделаю.

— Не нужно. — Сун Чжаоди опустила в кастрюлю специальную сетку и поставила на нее три миски с кунжутным маслом. — Просто последи за водой в кастрюле.

Чжун Цзяньго нахмурился, но когда он увиделе, что Сун Чжаоди снова принялась месить лапшу, то немного подумал и в конце концов ничего не сказал.

Около пяти часов Сун Чжаоди искупалась, поднялась наверх в рубашке с короткими рукавами и в широких штанах и увидела Чжун Цзяньго, расхаживающего взад-вперед с Санва на руках:

— Дай его мне, а сам иди прими ванну.

Увидев, что на лице Сун Чжаоди нет улыбки, Чжун Цзяньго вздохнул и повернулся, чтобы спуститься вниз.

Сун Чжаоди скорчила гримасу ему в спину. Затем она пошла в западную комнату, открыла дверь и увидела, что старший и второй ребенок уже спят. Девушка нашла мягкое одеяло, накрыла им обоих детей и вышла с младшим ребенком на руках:

— Малыш, оба твои брата спят, почему ты все еще спишь?

Ребенок проспал полдня и сейчас был полон энергии. Он увиделе, что Сун Чжаоди разговаривает с ним, и начал что-то лепетать и махать ручками.

Сун Чжаоди ничего не понимала, поэтому она начала учить его слову «мама».

Малыш в ответ агукнул и пустил изо рта пузыри слюны.

Сун Чжаоди повернулась, чтобы взять бумагу, но остановилась:

— Мы должны экономить бумагу. Забудь, завтра я сошью тебе еще несколько нагрудников.

Подняв взгляд на пышную зелень во дворе, девушка с болью в сердце посмотрела на личико ребенка и вздохнула:

— Твоя мама — настоящая госпожа.

Чжун Цзяньго спустился вниз налить воду и тщательно обдумывал, не злил ли он Сун Чжаоди. Проверив воспоминания вдоль и поперек, он вдруг подумал, что Сун Чжаоди ни разу не сказала «я» с тех пор, как они сошли с корабля.

Когда Сун Чжаоди обратилась к Ма Чжунхуа, ее мандаринский был правильным и чистым, без какого-либо биньхайского акцента? Он только что разговаривал с девушкой, и в мандаринском диалекте Сун Чжаоди не было какого-либо акцента.

http://tl.rulate.ru/book/77678/3527450